

СТОЛИЧНЫЕ ТЕАТРЫ по сложившейся уже традиции завершают сезон фестивалями «Театральной весны». Фестиваль этот приносит театрам награды и премии и, естественно, настраивает на праздничное подведение итогов театрального сезона.

Заслуженные театральные награды и премии не могут отвлечь внимание от насущных проблем развития современного сценического искусства: Театрам, драматургам, актерам, режиссерам есть о чем подумать, есть над чем поразмышлять сейчас, когда подошел к концу нынешний театральный сезон, углубляя место предстоящему юбилейному сезону, посвященному 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Для истинного художника нет ничего губительнее чувства самоуспокоенности, равнодушия и самоовладения. Ни самозанятия, ни критика не приносят, разумеется, радости. И все же без них нет движения вперед, именно они в первую очередь образуют действительный, энергичный стимул творчества — художественных исканий, подлаторных экспериментов, открытий.

Как же определяется содержание и направление этих исканий и в драматургии, и в режиссуре, и в актерском творчестве: в итоге еще одного пройденного года театральной жизни? Оно определяется, конечно, и только тем, о чем сказано в эпиграфических, но сказанных в них, думается, имеет правильное отношение к заданной здесь теме.

ЧЕМ ВЕРНЕЕ всего определяется итог театрального сезона? По-видимому, характерной чертой сопоставления того, что произошло в жизни и на сцене. В течение всего сезона в театре слышались отзывы современной действительности, и это — тема современности — самое главное для судьбы сценического искусства. Самое главное, хотя отзывы как эти и не хватало порой мощной полифонии симфонического звучания. Музыка современности, приходится это признавать, не прозвучала в полную силу в новых пьесах, появившихся на столичной сцене. В них не слышалось ее мажорного лейтмотива — разрабатываемые драматургами, темы во многих случаях не выносили в себя самого сущностного, наиболее характерного в жизни современника. Волнующие его события и проблемы падалились еще где-то на пути к сцене. Значит, принимается снова, уже в который раз, советовать на драматургии, упрекать ее в отставании от жизни, в неинтересности избираемых ею жизненных коллизий и в других грехах.

А не полезнее ли сказать о ней хоть и не очень громкое, но все же доброе слово, поддержать одну подлоторную тенденцию, наметившуюся в некоторых пьесах последнего времени. Она в стремлении к пристальному художественному исследованию процесса нравственного формирования характера молодого современника.

Тема эта приобретает для драматургии существовавшее значение. Именно с ней связано воспитание молодого зрителя в духе идеалов коммунистической морали, нравственное его обогащение. И с ней же связано страстное утверждение великого превосходства художественной культуры социалистического общества над буржуазной культурой западного мира, давно лишившейся моральных устоев, не помыслившей о светлых идеалах человеческого бытия. Безнравственность началось; поругание достоинства и чести личности закономерно, оно служило инструментом. Это искусство без идеалов, без веры в человека; в его будущее. Это искусство, бросившее наземь значимый гуманизм.

Нравственная тема в советской драматургии не есть назидательное

морализирование, проповедь «общечеловеческих» идеалов. Она взаимосвязана с новым социальным укладом жизни общества, с его моральным кодексом, с революционными преобразованиями, осуществляемыми в различных сферах современной действительности.

У талантливого драматурга индивидуальные свойства натуры героя характеризуют не только его самого, но и ту атмосферу общественной жизни, в которой он пребывает. У ге-

нич чести и славы своей армии, своей Родины, в каждом шаге, во всех своих помыслах созидать великую ответственность перед ним. Он отвечает не только за себя — за советского человека.

Растерявшаяся, напуганная, ослепотевшая юная девушка увидела в нем поначалу ненавистного врага. «Стреляй...» — чуть ли не в истерике кричит она ему. Он снимает свой автомат и кладет перед ней: стреляй сама, если мы с тобой являемся... Она

И кого защищала? Советского солдата, который ее до смерти годами страшила. Ты только вдумайся в это.

Вдуматься в это и предлагает пьеса. Вдуматься, чтобы достойно оценить великие последствия для мира одержанной победы в войне, которую нравственную, гуманистическую силу новых отношений, сложившихся в нашем обществе, то светлое, что заложено в сердце советского человека.

В «Балладе о солдате» В. Ежов оказался как художник сильнее, чем в «Соловьиной ночи». Но сколько бы ни говорить о тех или иных литературных несовершенствах и просчетах новой его пьесы, нравственный пафос ее не может быть взят под подозрение: она оказывает облагораживающее влияние на молодого зрителя, пробуждает в нем лучшие чувства.

Нечасто появляясь на сцене пьес, которые не только не пробуждают этих чувств, но даже не охотно стремились пробудить их в молодом сердце. Поэтому то «Соловьиная ночь» успешно поставленная на сцене Театра имени В. Маяковского, заслуживает быть выделенной в сегодняшнем репертуаре.

Как надо жить? Этот вопрос с насущной необходимостью возникает перед молодым поколением. И драматургия не может и не должна обойти его. От нее не ждуг математически точного ответа, подобного тем ответам, которые даются в конце школьного задания. Жизнь не укладывается ни в какие учебники, и от искусства не требуется конкретного решения утилитарных задач, практических советов и указаний.

Оно оправдывает высокое свое назначение, когда ставит перед человеком значительные проблемы жизни и пробуждает в нем волю, желание и стремление самостоятельно искать разрешения возникающих его проблем.

Живой процесс движения мысли, нахождения самостоятельного решения, как же надо жить, как же следует поступать в жизни, представляется особенно важным, когда драматургия вторгается в нравственную сферу жизни.

В ПЬЕСЕ В. ПАНОВОЙ «Надежда Милованова», появившейся в репертуаре Центрального театра Советской Армии, есть молодая замечательная, роль дочери Надежды Миловановой. Это совсем не простая роль школьницы, готовившейся к сдаче экзаменов. Правдивым драматургом, чутко впадающим в биснес молодого сердца, можно сказать в этом, казалось бы, эпизодической роли. В ней заложено самое начало процесса нравственного взросления юного создания, показано, как начинаются складываться убеждения, этические представления о нормах поведения человека, как пробуждается чувство человеческого достоинства.

Большая драматургия не заявила о себе по-настоящему в этом сезоне, ослепила неудовлетворенным и значительной степени главные запросы театров. И все же театрам было над чем работать.

Если приступить за внимательное чтение пьесы Т. Ян «Девочка и апрель», то отчетливо в ней очевидные слабости, погрешности в построении действия, в психологическом обосновании характеристик основных ее персонажей, словесно, не отнесшихся к большому художественным завоеваниям драматургии.

Однако в ней заложена такая энциклопедическая сила воздействия на зрителя, что, что он становится как бы просветленным при общении с ее персонажами. Эта облагораживающая сила спектакля «Девочка и апрель» не придумаешь критиком: зритель, старые школьники, признаются, работникам Центрального детского театра, что они почувствовали себя просветленными после спектакля.

Чем же облагораживает юную душу скромная эта пьеса? Не просто рассказом о том, как в сердце девочки зародилось нежное востане, чувство первой любви. А всем тем, что связано с этим рассказом, прозрачной атмосферой сценического действия. Приходит пора, когда с детьми следует говорить уже не как с детьми, а ставить перед ними «взрослые» вопросы жизни, нравственного становления человека. Так и говорит с детьми драматург и театр. Говорят серьезно и доверительно об этической природе мотивов тех или иных поступков и решений, об истинных критериях морали.

ОБРАЩЕНИЕ к нравственной сфере жизни, к моральным проблемам поддережно и в некоторых других произведениях драматургии. Вот они: хотя бы пьесы С. Алешина «Другая», с которой познакомил в этом сезоне Театр имени Моссовета.

Планируя она на отрывку семейно-бытовую тему, но не сбавляет при этом на менсано-бытовое ее истощение, наметившая в ряде пьес, обращенных к подобным темам, Героиня пьесы — духовно стойкий, нравственно сильный и благородный человек. Эту молодую женщину не в силах сломить неординарно сложившаяся на ней горе, не в силах лишить ее чувства человеческого достоинства. Теперь она другая, в ней словно пробудились незамеченные ранее свойства ее характера.

В замысле драматурга, в воплощении этого замысла, может быть, где-то и не сведены концы с концами, что-то и не прописано в должной мере, но это, обстоятельство, на мой взгляд, не мешает поддержать пьесу С. Алешина.

Нашему театру, нашей драматургии надлежит с еще большим вдохновением пропагандировать облагораживающую в духовном и нравственном отношении силу социалистического искусства. В предисловии к русскому изданию одного из своих романов Джеймс Олдридж писал: «Вы не можете себе представить, какой приятательной силой обладают для нас на Западе высокие идеалы людей, у которых хватает мужества постоять за свои убеждения».

В этом признании прогрессивного зарубежного писателя определяется главное достоинство советской литературы и искусства. Высокие идеалы и подл, достояние этих идеалов, утвердилось в нашей драматургии еще в ту пору, когда она только заявляла о своем появлении. Ее полувечная история проследивается по тем произведениям, в которых раскрывалась притягательная сила социалистического идеала, его влияние на духовное формирование человека.

Когда же на сцене появлялись пьесы, противостоящие этой прогрессивной, жизнеутверждающей традиции, они не получали (да и не могли получить) общественного признания. Театру нужна такая драматургия, которая, как каким бы явлениям современной действительности она ни обращалась, была бы овеяна мощным светом социалистического идеала. Только при этих условиях она послужит духовным напутствием театру молодому поколению, вступающему в жизнь.

(Окончание следует)

Заметки о московской «Театральной весне»

1. ПЕРЕД ЭКЗАМЕНОМ И ПРАЗДНИКОМ

Н. АБАЛКИН

Для этого, как бы ни был самотожен его образ, есть гордое право, есть основание, достойное, представлять свое общество, от судьбы которого не зависит его судьба.

Новаторский подход нашей драматургии к нравственной проблеме искусства — личность и общество — яро сказала уже в пьесах, появившихся на сцене. С той поры драматургия не оставляла эту проблему в забвении, она обращалась к ней на каждом этапе, к жизни общества, к жизни и личности человека. Нынешнее обращение к этой проблеме тем кажется особенно важным и значительным.

Молодое поколение не изолировано от той идеологической борьбы, которая в таких широких масштабах развернулась ныне в мире. В идеологической борьбе двух социальных систем, сил коммунизма и антикоммунизма решается и судьба идеалов молодого поколения. Выработка строгих критериев нравственного поведения человека, укрепление моральных устоев жизни социалистического общества становятся для искусства не просто эстетической, просветительно-воспитательной задачей, а задачей и политической. И драматургии следует быть на уровне этой насущнейшей задачи искусства социалистического реализма.

В СООТВЕТСТВИИ с такой ответственностью задачей тем, что делало бы поддержать из тех произведений, которые появились в течение сезона на столичной сцене? Следовало бы, думается, поддержать «Соловьиной ночью» В. Ежова. Пьеса эта возвращает нас на четверть века назад, к тем дням, когда только что закончилась война, но продолжалась солдатская служба, продолжалась не у себя дома, а в чужой земле, там, где вчера лишь отгремели последние залпы войны. По своей нравственной проблематике «Соловьиная ночь» обращена не в прошлое, а к нынешним дням...

Встречу молодого советского солдата с немецкой девушкой — это главное в пьесе — не называясь явными типичными, если видеть типичное лишь в явлениях массового характера, широко распространенного, всюду наблюдаемого. Но если проникнуть в глубины этого единичного, исключительного явления, то окажется, насколько типично оно для характеристик духовного облика юноши-солдата, для тех благородных отношений, которые сложились в армии. Высокая человечность нравственного кодекса советского солдата — явление не случайное, а типическое. И так же типична, характерна для него глубоко осознанная необходимость всегда и во всем быть достой-

ниного не понимает или, вернее, начинает вдруг понимать, что этот чудной солдат открывает перед ней какой-то новый, неведомый мир, что правда и жизнь на стороне вот этого юноши с автоматом. И она доверчиво шагнула навстречу открывающемуся перед ней новому миру. И на встречу первой любви.

Было время, когда любовь Ромео и Джульетты поднималась над неискоренимой враждой «дочка Монтегги и Катюлетти». Нынешний Ромео — вышедший солдатский гимнастерке и юная его Джульетта, нашедшая жалкое убежище в руинах войны, самой своей прекрасной и чистой любви стойко протыкали завесу в завтрашний день мира. Их любовь поднималась над поверженными фашизмом, замышавшими вернуть человечество впасть, к одиночеству, варварству, к жизни без любви и надежды, без идеала и счастья, к жизни, в которой не было бы места для Ромео и Джульетты.

В суровой, несентиментальной действительности не все складывается легко и просто, так, как хотелось бы. С любовью сданного юноши-солдата связан поступок, за который он должен получить дисциплинарное взыскание. Обстоятельства сложились для него так, что мера этого взыскания может быть чрезвычайной. Судьба своего солдата обеспокоен полковник Лукьянов, готовый сделать все, чтобы непомерное наказание не сложилось юношу, не оказалось на его будущей жизни.

Близкий друг говорит Лукьянову: «А этот сердиан даже не знает, что ты делаешь для него». И Лукьянов отвечает другу: «Это не важно. Покойся, это не только для парня, это и для меня очень важно, что я до конца сделал все, что мог. Покойся». Для меня! Ведь проше этого сказать: «Этому человеку все равно нельзя помыслить» — и прожить можно. Один раз прожить можно... и потом ничем не останется святого. А без этого жить нельзя... Нельзя».

Святое для полковника Лукьянова — жить для людей. Он говорит о своем и честном солдате, для которого превыше всего справедливость нашей жизни: «Пусть он вернется домой с праздником в сердце... Ты построишь на этот раз... Кажется, совсем недавно и мы были такими: и мы стоим, так же, как наша, чуждаясь на войну. Они доказали, что они стоят! Нам уже не надо оставаться — скоро и через неделю этим миром И они должны получить его из чистых рук. Вот ведь как получается, Степа. Вроде кругом был виноват сердиан, а выходя правда оказалась на его стороне. А эта немечка девушка, почти ребенок... Если бы ты видел, как она его защищала,